

Р. Гуль

Ледяной поход

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р11

Р11 **Р. Гуль**
Ледяной поход / Р. Гуль – М.: Книга по Требованию, 2024. – 162 с.

ISBN 978-5-458-46770-4

Русский писатель Роман Борисович Гуль не принял революции, ее вихрями был заброшен на чужбину, однако до последних дней жизни оставался русским патриотом. Литературную известность ему принесли воспоминания "Ледяной поход. (С Корниловым). " (1921), замеченные как в эмигрантской среде, так и в советской России. Роман в эпизодах "Ледяной поход" - жесткое и неоднозначное повествование, без прикрас рисующее всю трагедию и безнадежность рейда Добровольческой армии с Дона на Кубань (1918 г.).

ISBN 978-5-458-46770-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Книгу посвящаю
горячо любимой матери.

Часть первая.

Съ фронта — до Ростова.

Съ фронта.

Была осень 1917 года. Мы стояли въ Бессарабіи... Голубые, морозные, душистые бессарабскіе дни. Желто-красно-зеленяя деревья. Высокое, золотое, негрѣющее солнце. Красивый народъ въ кожаныхъ, съ рисунками, безрукавкахъ. Бѣлыя хаты, внутри увѣшанныя самотканными коврами, богатыхъ, яркихъ тоновъ...

Я любилъ Бессарабію...

По утрамъ полуодѣтый выбѣгаешь въ сливовый садъ, умываешься ледяной водой, пахнущей какой-то особенной свѣжестью, вбираешь грудью морозный аромат слегка заиндевѣвшего утра и вспоминаешь гдѣ-то читанное: «каждое утро, душа моя, у порога своего дома ты встрѣчаешь весь міръ»...

И тамъ же вспоминается... Около старенькой церкви митинги толпъ вооруженныхъ людей въ сѣрыхъ шинеляхъ. Злобныя рѣчи, почти безъ смысла. Знамена съ надписями: «Миръ безъ аннексій и контрибуцій», «Долой войну», «Смерть буржуазіи»...

Рѣчи, полныя злобы и ожесточенія, ревъ толпы и тысячи махающихъ въ воздухѣ рукъ...

Попытки сдержатъ безсильны...

Разливалась стихія...

Получилъ телеграмму: «Имѣнье разграблено, проси отпускъ». Командиръ отпускаетъ, обнимаетъ, провожаетъ. Ёду въ обозъ второго разряда. Сѣлъ на поѣздъ. Все сѣро — все переполнено. Сѣрыя шинели лежатъ на полу, сидятъ на скамьяхъ, лежатъ на полкахъ для вещей. Тронулись. Я смотрю на лица солдатъ: на всѣхъ одна и та же усталая злоба и недовѣріе.

Съ дороги пишу письмо знакомымъ: «крутомъ меня все сѣро, съ потолка висятъ ноги, руки... лежатъ на полу, въ проходахъ... Эти люди ломали нашу старинную мебель краснаго дерева, рвали мои любимыя старыя книги, которыя я студентомъ покупалъ на Сухаревкѣ, рубили нашъ садъ и саженыя мамой розы, сожгли нашъ домъ... Но у меня нѣтъ къ нимъ ненависти или жажды мести, мнѣ ихъ только жаль. Они полу-звѣри, они не вѣдаютъ, что творятъ»...

Узловая станція. Вокзалъ, платформа, пути запружены тысячами людей въ сѣромъ. Они всѣ ѣдутъ-бѣгутъ съ войны. И это «домой» такъ сильно въ нихъ, что они замерзаютъ на крышахъ поѣздовъ, убиваютъ начальниковъ станцій, ломаютъ вагоны, сталкиваютъ другъ друга...

Поѣзда нѣтъ. Матерная брань превращается въ ревъ: «Ему вставить штыкъ въ пузо — будетъ поѣздъ!» — «Для буржуевъ есть поѣзда, а для нашего брата подожди!!» — «Пойдемъ къ начальнику!» — «Пойдемъ!!»

Тихо подходитъ поѣздъ. Всѣ лѣзутъ въ окна. Звонъ разбитыхъ стеколъ, матерная

брань . . . Съли. Плохо ѣдемъ, останавливаясь на каждомъ разъѣздѣ.

День . . . два . . .

Поздній вечеръ. Подъѣзжаемъ къ родному городу. Тотъ же старенькій вокзалъ. Залъ I класса. Вонъ стоитъ знакомый носильщикъ. Прохожу. Сажусь на извозчика . . .

Темныя улицы. Лошадь тихой рысью бѣжитъ по мягкому снѣгу, ударяются комя въ передокъ. Извозчикъ чмокаетъ и постегиваетъ лошадь кнутомъ.

Я смотрю на каждый домъ, на каждый переулокъ. Все знаю. Все знакомое. Вотъ сейчасъ подъѣду. Вотъ вижу огонь въ дальней столовой. Извозчикъ остановился. Подхожу къ двери. Что-то замираетъ, дрожитъ, сладко рвется у меня въ груди. Сильная радость наполняетъ меня, и одновременно слегка грустно . . . Шаги за дверью. Отперли. Иду къ корридору, отворяю дверь . . . Изъ столовой ко мнѣ бросается мама . . . обнимаетъ, плачетъ . . .

Я счастливъ. Всѣ счастливы, всѣмъ радостно . . .

. . . .

Дома.

Я нѣсколько дней живу у себя, въ семьѣ, съ любимыми людьми. Я не хочу ничего. Я усталъ отъ фронта, отъ политики, отъ борьбы. Я хочу только ласки своей матери. Я помню, я думалъ: «истинная жизнь любящихъ людей

состоить въ любованіи другъ другомъ». Я чувствовалъ всю шкурную мерзость всякой «политики». Я видѣлъ, что у прекрасной женщины Революціи подъ красной шляпой, вмѣсто лица, — рыло свиньи. Я искалъ выхода. Я колебался. Въ душѣ подымались протесты и сомнѣнія, но я пытался убѣдить себя: «все это плохо, но не надо отстраняться, надо взять на себя всю тяжесть реальности, надо взять на себя даже грѣхъ убійства, если понадобится, и дѣйствовать до конца...

И мнѣ показалось, что я себя убѣдилъ...

Быль сочельникъ. Звонокъ. Я удивленъ: входитъ прапорщикъ нашего полка К. Онъ сибирикъ. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Я догадываюсь. К. разбинтовываетъ ногу и передаетъ мнѣ письмо моего командира.

«... Корниловъ на Дону. Мы, обливаясь кровью, понесемъ счастье во всѣ углы Россіи... Намъ предстоитъ громадная работа... Пріѣзжайте. Я жду Васъ... Но, если у Васъ есть хоть маленькое сомнѣнье, — тогда не надо»...

Я напряженно думаю. День, два. Сомнѣнье мое становится маленькимъ, маленькимъ. Можетъ быть, я просто «боюсь»? спрашиваю я себя. Можетъ быть, я «подвожу теоріи» для оправданія своей трусости?... какъ звѣрски и ни за что дикіе люди убили М. Н. Л... А Шингаревъ? Кокошкинъ?... Ихъ семьи!?!... Тысячи другихъ!?! — Нѣтъ, я долженъ и я готовъ. Я вѣрю въ правду дѣла! Я вѣрю Корнилову! И я поѣду. Поѣду, какъ ни тяжело мнѣ оставить мать, семью, уютъ.

И одновременно со мной думаетъ и страдаетъ мама.

Я рѣшилъ. Мама готова перенести новую боль...

Зимнія сумерки темнымъ узоромъ ложатся на зеленую гостиную. — Слышно, какъ, около дома, поскрипываетъ на морозѣ деревянный тротуаръ. Въ гостиной нѣтъ огня. Я сижу съ мамой. Она плакала и тихо говоритъ: «...мнѣ очень больно, но будетъ еще больнѣе, если ты поѣдешь и разочаруешься, — если ты не найдешь тамъ того, о чемъ думаешь»... — «Я объ этомъ думалъ, я этого боюсь, но гарантія — имя Корнилова и Учредительное Собраніе. И мы оба хотимъ вѣрить. —

И я вѣрю...

Былъ, кажется, третій день Рождества. Мы уѣзжали: семь человекъ офицеровъ. Солдатскіе документы, видъ солдатскій, мѣшки — все готово. Пора идти.

Мама зашиваетъ ладанки, надѣваетъ на насъ съ братомъ и беззвучно плачетъ. Мы ободряемъ. Прощаемся. И я чувствую на щекахъ своихъ слезы матери...

Синій вечеръ. Въ воздухѣ серебрятся блески. Небо звѣздное. ... Мы идемъ на вокзалъ. На душѣ грустно, но успокоеніемъ служить: добровольно иду дѣлать большое дѣло...

Вокзалъ набитъ солдатами. Все переполнено. Братъ и другіе попали въ уборную уходящаго

поѣзда и уѣхали. Я и Н. остались. Мы ждемъ среди солдатъ — на полу. Подходитъ солдатъ нашего полка, о чемъ-то развязно говоритъ.

Подъ утро, усталые, съ трудомъ садимся въ поѣздъ и ѣдемъ на Донъ...

На Донъ.

Слѣдующій день зимній, яркій. Поѣздъ тихо тащится по снѣжнымъ полямъ и подолгу стоитъ на станціяхъ. Помню станцію Лиски. Я послалъ мамѣ шифрованную телеграмму. Пересѣли и ѣдемъ.

Ночью — обыскъ. Въ вагонѣ темно. Вошли люди съ фонаремъ, въ солдатскихъ шинеляхъ, съ винтовками.

«Документы предъявите... У кого есть оружіе, сдавайте, товарищи».

Подошли ко мнѣ. Я закрылъ глаза и притворился спящимъ, прислонившись къ окну вагона.

— «А это чей чемоданъ?» (у меня былъ мѣшокъ-вьюкъ).

— «Вашъ, товарищъ?» — «Товарищъ!» сказалъ онъ и взялъ меня за плечо. Я «проснулся» — «Мой». — «Откройте!» Открываю. Онъ роется. — «А документы есть?» — «Есть», и лѣзу въ карманъ. — «Ну, ладно» — и проходятъ дальше...

Утро. Слава Богу, переѣхали на казачью сторону. Народу въ поѣздѣ стало мало. Я не